
ОКСАНА ЯКИМЕНКО

**«СЕГОДНЯ В НОВУЮ УПРЯЖКУ
РЕШИЛ Я ПУШКИНА ЗАПРЯЧЬ»**

Проза Пушкина в поэтических переложениях
Иштвана Гати

Книгу Иштвана Гати,¹ венгерского поэта, выпускника библиотечного факультета Будапештского университета им. Лоранда Этвеша, автора книг для детей и переводчика с русского языка, сложно классифицировать. С одной стороны, в нее вошли перевод стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» — стихотворный перевод поэтического текста, с другой — стихотворные переводы прозаических произведений классика русской литературы; в таком виде представлены три из пяти «Повестей Белкина»: «Станционный смотритель» (в венгерском варианте «Почтмейстер»), «Выстрел» и «Гробовщик» (именно поэтому в названии фигурирует «Тройка») и переложенная стихами «Пиковая дама», а с третьей — два оригинальных стихотворения Гати на пушкинскую тему — «Случай Евгения Онегина» и «Пушкин на Арбате». Стихотворный вариант «Выстрела» под названием «Последний выстрел Пушкина» также предваряет рифмованное изложение «Записки доктора В. И. Даля» о смерти Пушкина с подзаголовком «Смерть Пушкина». Все стихотворные тексты (за исключением «Пушкина на Арбате») написаны онегинской строфой (четырёхстопным ямбом с характерным чередованием рифм).

За одиннадцать лет до выхода сборника, в 2011 году, в журнале «Кортарш» («Kortárs») был опубликован первый из переводов-

¹ *Gáti István. A Puskin-trojka. Budapest: Napkút, 2022 (Гати Иштван. Тройка Пушкина. Будапешт, 2022).*

пастишей — «Почтмейстер» («Станционный смотритель»). Выдающаяся исследовательница русской литературы Каталин Сёке в предисловии к публикации писала: «У читателя возникает ощущение, будто он читает нарративный поэтический текст, написанный венгерским поэтом XIX века, одним словом, стилизация идеальная, это могла бы быть и совершенно венгерская история».² Подобный эффект — не случайность. Венгерская повествовательная поэзия XIX века во многом сформировалась именно под влиянием пушкинского «Евгения Онегина». Первый стихотворный перевод романа, выполненный Кароём Берци и опубликованный в 1866 году, послужил отправной точкой (наряду с текстами Байрона) для возникновения венгерского стихотворного романа. Среди почти десятка венгерских стихотворных романов последней трети XIX века следует особенно выделить незаконченный роман Пала Дюлаи «Ромхани» (1869—1897), где автор находится в постоянном диалоге с читателем и параллельно «общается» с главным героем (венгерский аристократ Ромхани проходит в романе путь от скучающего и тщеславного барина до патриота, борца за национальную независимость), и выразительный портрет венгерского «лишнего человека» эпохи национально-освободительной борьбы и габсбургской реакции — «Герой миражей» (1873) Ласло Араня. В конце XX — начале XXI века онегинская строфа как форма вновь возвращается в венгерскую литературу в романе «Паулус» (Paulus — с учетом прямой библейской аллюзии название романа можно также перевести как «Павел», однако Паулус / Паулус — это еще и фамилии трех персонажей: Фридриха Паулуса, немецкого военачальника и будапештского хакера) крупнейшего поэта этого периода Яноша Терей (1970—2019).

В отличие от монументального и многослойного романа Терей, книга Гати скорее изящный пастиш, литературная игра, в которой автор с самого начала играет «по правилам». В стихотворном вступлении Гати упоминает переводчиков «Евгения Онегина» — Кароя Берци, Гедеона Месея (его перевод вышел в 1945 году), Лайоша Априли (1953) и Арпада Галгоци (1992) и обещает не замарать их лавры и не испортить проторенную колею.

С самого начала Гати настраивает венгерского читателя на включения в духе Онегина. «Станционный смотритель» открывается почти пародийным перифразом начальной строфы первой главы пушкинского романа, помещая онегинского рассказчика в пространство современной Венгрии:

² Szőke K. Puskin: A postamester — Anyegin-sztrófáiban elbeszélve // *Kortárs*, 55. évf. 2. sz., 2011. P. 24.

Текст Гати:

Nagynéném, jámbor, drága lélek,
 Az édességre rákapott.
 Nyolcvan fölött övé az élet!
 Szájában prima keksz ropog.
 Ha nincs cukor, mit ér az ember?³
 Olasz csokit havonta rendel.
 Nyugdíj ha jön, számol, s beoszt.
 Számlák után első a koszt!
 Garzonja rejt megannyi kincset.
 Megtöltve váza és komód.
 Szokatlan tárolási mód.
 De Olvasóm, őt meg ne intsed!
 Huszonhat négyzetméterén
 Tenyérynyi rendben, szépen él.³

Перевод:⁴

Мой дядя самых... то есть тетя,
 Когда иных пережила,
 Свой век продолжила в заботе
 И столько выдумать смогла!
 Медовый хворост, кексы, плюшки,
 Брильянты в крохотной однушке!
 Все на местах, все к месту здесь,
 И есть на что, и есть что есть!
 Палитра смыслами богата,
 Представь себе, читатель мой,
 Какую глубину порой
 Скрывают двадцать шесть квадратов.
 Ничто не омрачает быт,
 Когда к нему душа лежит.

Мотив «дяди» / «тети» возникает вновь в стихотворении «Случаи Евгения Онегина», где автор вслед за упомянутым в подзаголовке Хармсом множит дядюшек и тетушек самого Пушкина и его героя. Влияние романа на стихотворную практику Гати столь велико, что в поэтической версии «Пиковой дамы» появляется «Письмо Лизы к Герману» (стилистика — нечто среднее между вариантами перевода письма Татьяны у Галгоци и Априли). Однако, переходя непосредственно к содержанию повестей, автор меняет тон и уже относительно точно следует за пушкинским текстом:⁵

Текст Гати:

Jártál-e már felénk batáron?³
 Kocsid zötyög sok verszten át.
 Elátkozod, szegény barátom,
 Ki néked rossz gebéket ad.

Перевод:

Когда поедешь в угол дальний
 Ты вкось по родине своей,
 То проклянешь, мой друг печальный,
 Все масти местных лошадей.

³ Подстрочный перевод: «Моя тетушка, благочестивая, драгоценная душа, / Помогла сладости. / В возрасте за восемьдесят может себе позволить! / Во рту у ней хрустит отличное печенье. / Если нет сахара, чего стоит человек? / Каждый месяц она заказывает итальянский шоколад. / Когда приходит пенсия, она высчитывает и распределяет. / Первое после оплаты счетов — еда! / Ее маленькая квартирка таит столько сокровищ. / Полна ваза и комод. / Необычный способ хранения. / Но, читатель, не отмахивайся! / На двадцати шести квадратных метрах / Она прекрасно живет в уютном порядке».

⁴ Здесь и далее стихотворные переводы выполнены Дарьей Анисимовой.

⁵ Текст Пушкина: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?» (VIII, 97).

Hintód ölen morogva fekszel:
— Gonosz zsvány a postamester!
Tengely zörög, behull a hó,
Vagy ímmel-ámmal híz a ló?
Falvak során utazni rémes;
Hibás az út, a híd törött.
Száz kellemetlen nyűg között
Vigasztaló találni vétkest.
Sok elgyötört utas szerint
A postamester bűne mind!

Ворчишь себе под шум рессор:
— Ямщик подлец, смотритель вор.
Деревни тянутся докучно,
Скрипят колеса однозвучно,
В пути то яма, то канава,
Ложится снег, горит закат.
Кто в этой блажи виноват,
Ответь, читатель — трудно, право?
Для путника один расклад:
Всегда смотритель виноват!

Стоит отметить, что в непосредственно «пушкинских» текстах — в отличие от собственных вариаций на тему — Гати активно использует русизмы, характерные для переводов русской классики (в приведенном отрывке это слово *verszt* — верста).

Сравнивая переводы-пастиши с оригинальными текстами, написанными в «пушкинском духе», и далее, в свою очередь, с «пушкинскими» текстами других венгерских авторов, нельзя не заметить некоторую вторичность собственных сочинений Гати на фоне выполненных им же переводов («Разговор книгопродавца с поэтом») и стихотворных переложений прозы Пушкина. Усложняет анализ текстов Гати и не всегда очевидная авторская стратегия. Если отталкиваться от пушкинского призыва судить писателя «по законам, им самим над собою признанным», законы, которыми руководствуется автор сборника, так и остаются не до конца проясненными. Соединение заявленного прямого следования за пушкинским текстом с вставками «от себя» порой создает дополнительный комический эффект, значительно превосходящий по силе изначальную тонкую иронию, заложенную в пушкинском тексте, и приводит к потере целых пластов смыслов, но, с другой стороны, создает новые. Так, реплика графини из «Пиковой дамы» «пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних <...> где бы герой не давил ни отца, ни матери, и где бы не было утопленных тел» (VIII, 232) в диалоге, который завершается намеком Томского на существование иных, новых русских романов, в варианте Гати обретает куда более комическое звучание с явным венгерским колоритом: книга, которую читает графиня (и которая вызывает у нее недовольство современными ей романами) называется «Ужасная рыба атакует купальни» — таким образом возникает удачная для постмодернистского прочтения пушкинской повести аллюзия на популярную культуру в духе фильма «Челюсти», а также намек на совершенно венгерскую реальность (купальни). Однако подобные, не лишённые некоторого изящества, вольности характерны не для всех стихотвор-

ных переложений, что вызывает ощущение разнородности. Развитие этой стратегии можно наблюдать в оригинальном произведении Гати «Случаи Евгения Онегина» — прямой отсылке к хармсовским «Случаям», однако и здесь автор словно бы не решается совершить следующий шаг и вслед за Хармсом перевести пушкинский роман в пространство литературы абсурда.

Сборник Иштвана Гати свидетельствует о глубоком «одомашнивании» Пушкина в венгерской культуре. Важную роль в этом, по признанию самого автора, сыграла и венгерская традиция преподавания мировой литературы в средней школе и, далее, в гимназии (так в Венгрии называется предшествующая поступлению в университет ступень старшей школы). «Евгений Онегин» входит в число обязательных к изучению произведений, — таким образом, уже на этом этапе знакомства с литературой тексты русского поэта входят в обиход среднестатистического венгерского школьника и потенциального студента. Венгерский автор также демонстрирует блестящее владение формой, показывая, что онегинская строфа, несмотря на принципиальное отличие венгерского стихосложения (силлабического по своей природе) от русского, стала неотъемлемой составляющей инструментария венгерской поэзии. На данном этапе Иштван Гати работает над новым переводом «Евгения Онегина» — шестым в истории переводов пушкинского романа на венгерский язык.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 38

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
М. В. Строганов
(*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН*)
Кандидат филологических наук
Е. Н. Григорьева
(*Санкт-Петербургский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-397-5

© Авторы статей, 2024
© Пушкинская комиссия РАН, 2024